

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.148:81¹33+316.628.29

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-3-437-458

Типовые экспертные задачи в судебных делах по статьям 207.3 УК РФ, 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ и возможные методы их решения

Игорь Вениаминович ЖАРКОВ ✉, **Вероника Валерьевна КОНСТАНТИНОВА**

ООО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам»

129164, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кибальчича, 11, корп. 1

✉ linguexpert@protonmail.com

Аннотация. Предметом исследования являются типовые экспертные задачи, подлежащие решению при производстве лингвистических и комплексных психолого-лингвистических экспертиз по судебным делам в связи с обвинением лица в совершении речевого преступления или правонарушения, связанного с понятием использования Вооружённых Сил Российской Федерации. Актуальность анализа обусловлена тем обстоятельством, что соответствующие нормы уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях являются новеллами, и практика как назначения, так и производства судебных экспертиз по указанным делам в настоящее время находится в стадии формирования. В ходе исследования обоснованно выявлены лежащие в сфере специальной компетенции лингвистов и психологов экспертные задачи, вытекающие из сущностных свойств и особенностей судебных дел данной категории, соответствующие общей задаче судебно-экспертной деятельности, определенной статьей 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», и отражающие вновь формирующуюся практику правоприменения перечисленных норм законодательства, высказан и обоснован ряд суждений о возможных методах решения этих экспертных задач. По результатам описанного исследования предложен перечень типовых экспертных задач для дел указанной категории.

Ключевые слова: типовые экспертные задачи, лингвистическая экспертиза, комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, заведомая ложность, дискредитация использования Вооружённых Сил Российской Федерации, утверждение о фактах, коммуникативная направленность, когнитивный диссонанс, феномен лжи

Для цитирования: Жарков И.В., Константинова В.В. Типовые экспертные задачи в судебных делах по статьям 207.3 УК РФ, 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ и возможные методы их решения // Неофилология. 2022. Т. 8, № 3. С. 437-458. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-437-458>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Standard expert tasks in law cases with regard to articles 207.3, 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, article 20.3.3 of the Code of Administrative Violations of the Russian Federation and possible procedures of their solution

Igor V. ZHARKOV ✉, Veronika V. KONSTANTINOVA

RPO “Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes”

11 bldg. 1 Kibalchicha St., Moscow 129164, Russian Federation

✉ linguexpert@protonmail.com

Abstract. The subject of the study is standard expert tasks subject to solving in linguistic and complex psychological and linguistic forensic enquiries with regard to cases on the charge of speech act of crimes or speech delicts related to the concept of use of Armed Forces of the Russian Federation. The relevance of the analysis resulted from the status of the corresponding criminal and administrative statutory regulations being innovations and from the fact that currently the practices of both commissioning of expert evidence and performance of expert examinations with regard to such cases are in course of development. In the course of the study, the expert tasks related to the sphere of the linguistic and psychological special conusance, stemming from the essential properties and characteristics of law cases pertaining to the denoted category, corresponding to the general task of forensic enquiries stated by article 2 of the “Act on state forensic activities in the Russian Federation” and reflecting developing administration of law were elicited, series of thoughts about possible procedures of solution of the expert tasks were expressed and proved. Based on the results of the study described in the article, the list of the standard expert tasks for the law cases pertaining to the denoted category is suggested.

Keywords: standard expert tasks, linguistic forensic enquiries, comprehensive psychological and linguistic forensic enquiries, deliberate falsity, discrediting use of Armed Forces of the Russian Federation, statement of facts, communicatory orientation, cognitive dissonance, phenomenon of lying

For citation: Zharkov I.V. Konstantinova V.V. Tipovyye ekspertnyye zadachi v sudebnykh delakh po stat'yam 207.3 UK RF, 280.3 UK RF, 20.3.3 KoAP RF i vozmozhnyye metody ikh resheniya [Standard expert tasks in law cases with regard to articles 207.3, 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, article 20.3.3 of the Code of Administrative Violations of the Russian Federation and possible procedures of their solution]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 437-458. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-3-437-458> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В связи с появлением весной 2022 г. ряда новелл в российском законодательстве, связанным с актуализацией явления, обозначенного законодателем как «использование Вооружённых Сил Российской Федерации», в настоящее время активно формируется практика проведения лингвистических и

комплексных психолого-лингвистических экспертиз по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, расследуемым соответственно по статьям 207.3 и 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ. Решаемые в рамках этих судебно-экспертных исследований экспертные задачи, типовые вопросы, рекомендуемые к постановке на разрешение экспертов, методы их разрешения и обслу-

живающий их понятийный аппарат нуждаются в разработке, описании, обосновании, осмыслении.

Говоря о судебно-экспертной деятельности в любом её аспекте, всегда требуется соотносить любые идеи и концепции с общей задачей судебно-экспертной деятельности, закреплённой в статье 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». В соответствии с введённой законодателем дефиницией, задача государственной судебно-экспертной деятельности (далее также СЭД) состоит в «содействии судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла». Во всех основных видах процесса судопроизводства, включая процесс уголовный и процесс рассмотрения дел об административных правонарушениях, законодатель наделяет эксперта правом на экспертную инициативу: эксперт вправе «указывать в своём заключении имеющие значение для дела обстоятельства, которые установлены при проведении экспертизы и по поводу которых ему не были поставлены вопросы» (п. 3 ч. 5 ст. 25.9 КоАП РФ), «давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования» (п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК РФ). Неотъемлемой частью права на экспертную инициативу является возможность для эксперта судить о том, какие обстоятельства могут иметь значение для разрешения дела, опираясь на общие системные свойства категории, к которой дело относится, и на конкретные обстоятельства того дела, в рамках которого производится экспертиза.

Поскольку, как сказано выше, в настоящей статье речь идёт о производстве судебно-экспертных исследований по делам, связанным с новеллами законодательства, понятие права на экспертную инициативу приобретает применительно к таким делам особо актуальное звучание. Экспертам следует учитывать, что практика назначения экспер-

тиз по этим делам также находится лишь в стадии формирования и в настоящее время очень далека от того состояния, в котором её можно было бы назвать устоявшейся. В результате правоприменитель (судья, следователь, дознаватель), формулируя вопросы, которые он ставит на разрешение экспертов, не всегда способен корректно определить пределы их специальной компетенции и далеко не всегда имеет корректное представление о возможностях лингвистической и комплексной психолого-лингвистической экспертизы по таким делам.

Актуальность выбранной темы обусловлена также тем, что новизна и практически полное отсутствие стабильной правоприменительной практики, по мнению правоприменителей, требует «особого внимания к некоторым аспектам в процессе доказывания по уголовным делам данной категории <...> в ходе процесса доказывания необходимо подтвердить, что лицо заранее знало о недостоверности информации и при этом приняло меры по доведению её до двух и более лиц, то есть имело прямой умысел на совершение действий, направленных на дискредитацию деятельности Вооружённых Сил Российской Федерации. Во избежание интерпретации действий органов предварительного следствия в доказательном процессе как субъективных, необходимо прибегнуть к услугам специалистов, в рамках проведения экспертиз, в том числе психолингвистической» [1]. С психологической точки зрения, эта позиция представляется логичной и обоснованной, поскольку от субъективного отношения лица, создавшего или распространившего спорный текст (*знание* о недостоверности, ложности распространяемой информации или, напротив, *убеждённость* в её достоверности, то есть *вера в её достоверность*), зависит квалификация его действий.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Возможности и ограничения специальной компетенции экспертов-лингвистов и экспертов-психологов при производстве экспертиз по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, расследуемым соответственно по статьям 207.3 и 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ, должны по-

лучить объективное отражение в типовых экспертных задачах, подлежащих решению экспертами в рамках судебной лингвистической и судебной комплексной психолого-лингвистической экспертизы. В качестве производных от типовых экспертных задач следует рассматривать типовые вопросы, рекомендуемые к постановке на разрешение экспертов. В свою очередь сами типовые экспертные задачи являются производными от категории дела, определяемой исходя из состава преступления или правонарушения, описываемого диспозицией соответствующей правовой нормы в виде набора объективных и субъективных признаков. При введении в законодательство той или иной новеллы возникает новый набор таких признаков, и кратчайший путь определения соответствующего этим признакам набора экспертных задач с очевидностью пролегает через анализ диспозиций.

В настоящей статье описан анализ диспозиции статей 207.3 и 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ, в ходе которого каждый признак определённых в этих статьях составов оценивался с точки зрения потенциала применения специальных лингвистических и психологических знаний для его установления, а обнаруженный потенциал рассматривался как основа особой типовой экспертной задачи, вытекающей из категории дела. Особое внимание уделялось связанным с этими задачами ограничениям специальной компетенции, вытекающим из природы СЭД; рассматривались возможные методы их решения. Выявленные задачи сопоставлялись с известной авторам из личного опыта СЭД практикой назначения и проведения экспертиз и экспертных исследований по делам, расследуемым по перечисленным статьям УК РФ и КоАП РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Общими для всех трёх диспозиций, описывающих преступления и правонарушения, ответственность за которые предусмотрена статьями 207.3 и 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ, являются **(1) факт речевой деятельности законодателя, применившего в тексте каждой из трёх диспозиций словосочетание «использование Вооружённых**

Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности», и (2) признак публичности действий, ответственность за которые вводится указанными нормами законодательства.

В случаях, когда рассматриваемые предполагаемые преступления и правонарушения совершаются в речевой форме (а именно эти случаи являются существенными для сферы лингвистической и комплексной психолого-лингвистической экспертизы), тождественное обозначение законодателем предмета речи даёт достаточные основания для условного объединения трёх названных норм законодательства в **единую категорию (гиперкатеорию) судебных дел,** связанных с продуктами публичной речевой деятельности, предметом речи в которых является «использование Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности».

1.1. Оснований рассматривать словосочетание «использование Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности» как особый специальный термин юриспруденции не имеется. Текст УК РФ, в соответствии с п. 1 ст. 3 федерального закона «О государственном языке Российской Федерации», относится к классу текстов, для которых обязательным является использование государственного языка, и подлежит буквальному толкованию (интерпретации) с учётом норм и правил современного русского литературного языка как государственного языка Российской Федерации. Следовательно, буквальный смысл процитированного словосочетания также подлежит установлению на основе норм и правил современного русского литературного языка.

Главное слово в составе этого словосочетания **использование** относится к лексико-грамматическому разряду отглагольных существительных, обозначающих действие, названное мотивирующим глаголом. В качестве мотивирующего глагола в данном случае выступает глагол *использовать*. Синсемичным для рассматриваемого словосочета-

ния значением, совместимым с личным (номинация *Вооружённые Силы Российской Федерации*, согласно ч. 1 ст. 10 федерального закона «Об обороне», является в современном русском языке обозначением определённой «организации» – структурированной совокупности лиц) объектом действия, обозначаемого данным глаголом, является значение ‘воспользоваться – пользоваться услугами кого-л. с какой-л. целью’. (Здесь и далее, если прямо не оговорено иное, словарные значения приводятся по данным «Большого толкового словаря» под ред. С.А. Кузнецова¹. При этом авторы принимали во внимание данные всех известных толковых словарей современного русского языка, между которыми в ходе настоящего исследования не было выявлено несоответствий, потенциально существенных с точки зрения стоящей перед авторами задачи.)

Исходя из общих категориальных свойств отглагольных существительных, такое существительное является полисемичным, будучи способным в норме обозначать: (а) собственно действие, названное мотивирующим глаголом; (б) единичный акт этого действия. Неоднозначность существительного *использование* поддерживается также двувидовой принадлежностью мотивирующего глагола.

Словесная конструкция *в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности* в составе рассматриваемого словосочетания определяет следующие действия:

- защита интересов Российской Федерации;
- защита интересов граждан Российской Федерации;
- поддержание международного мира;
- поддержание безопасности –

в качестве действий, к осуществлению которых направлено то использование Вооружённых Сил Российской Федерации, о котором идёт речь.

Наличие в составе рассматриваемого словосочетания словесной конструкции *в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания междуна-*

родного мира и безопасности обеспечивает однозначную интерпретацию действия, описываемого рассматриваемым словосочетанием, как осознанного, целенаправленного, активного действия. Эффект применения Вооружённых Сил Российской Федерации, способствующий достижению перечисленных целей (защите интересов РФ и т. д.), не является для субъекта, совершающего это действие, побочным результатом не зависящих от воли этого субъекта событий или его действия, имеющего иную направленность.

Каких-либо сведений о способе *использования* Вооружённых Сил Российской Федерации, о котором идёт речь, диспозиции рассматриваемых статей не содержат. Следовательно, ограничений в отношении конкретного характера и содержания действий, посредством которых Вооружёнными Силами оказываются или были оказаны услуги, о которых идёт речь, законодатель не вводит. Сведений о конкретном субъекте, который использует или использовал Вооружённые Силы Российской Федерации – осознанно и целенаправленно воспользовался их услугами, преследуя то или иное подмножество четырёх перечисленных целей, диспозиции рассматриваемых статей также не содержат. Следовательно, ограничений в отношении субъекта, пользующегося или воспользовавшегося теми услугами Вооружённых Сил, о которых идёт речь, законодатель не вводит.

Таким образом, исходя из норм и правил современного русского литературного языка как государственного языка РФ, словосочетание *использование Вооружённых Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности* в контексте рассматриваемых диспозиций является **неоднозначным, допускает две существенно различных интерпретации:**

(а) как таковая **абстрактная идея осознанного и целенаправленного получения любым лицом любых услуг от Вооружённых Сил Российской Федерации** при условии, что это получение услуг направлено к защите любых интересов Российской Федерации, и (или) к защите интересов любых граждан Российской Федерации, и (или) к поддержанию международного мира, и (или)

¹ Использовалась электронная версия указанного словаря в авторской редакции 2014 года. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>

к поддержанию безопасности любых лиц в любом аспекте их жизнедеятельности, **вне зависимости от каких бы то ни было фактических обстоятельств, связанных с оказанием этих услуг**, в том числе от совокупности поступков, совершаемых в ходе оказания этих услуг лицами, составляющими Вооружённые Силы РФ, и от совокупности иных событий, с оказанием этих услуг связанных;

(б) любой конкретный акт осознанного и целенаправленного получения любым лицом неких конкретных услуг от Вооружённых Сил Российской Федерации, направленного к защите любых интересов Российской Федерации, и (или) к защите интересов любых граждан Российской Федерации, и (или) к поддержанию международного мира, и (или) к поддержанию безопасности любых лиц в любом аспекте их жизнедеятельности, подлежащий рассмотрению **в совокупности фактических обстоятельств, связанных с оказанием этих услуг**, в том числе в совокупности поступков, совершаемых в ходе оказания этих услуг лицами, составляющими Вооружённые Силы РФ, и в совокупности иных событий, с оказанием этих услуг связанных.

Принимая во внимание синсемичное рассматриваемому контексту значение существительного *интересы* 'то, что составляет благо кого-, чего-л., служит на пользу кому-, чему-л.; нужды, потребности', в составе которого присутствует ярко выраженный компонент прямой субъективной позитивной оценки характеризуемого явления 'благо', следует констатировать, что такие словесные конструкции, как «интересы Российской Федерации» или «интересы граждан Российской Федерации», выражают скрытые аналитические и оценочные суждения о том, что нечто не названное является чем-то хорошим ('благом') для Российской Федерации как юридического лица или некоего подмножества физических лиц, состоящих с указанным юридическим лицом в отношениях гражданства.

Для описанного выше варианта интерпретации (б) полная оценка тех или иных конкретных предметов, явлений, обстоятельств реальной действительности и тому подобное как соответствующих понятиям «интересы Российской Федерации», «интересы граждан Российской Федерации» выходит

за пределы компетенции лингвистов и психологов. При этом общеизвестно, что в обществе существуют разные взгляды на то, что для государства и общества является благом, а что благом не является. Можно лишь предположить, что такая оценка в общем случае будет находиться в зависимости от применяемой системы ценностей и критериев, выбор которых будет определяться волей субъекта, эту оценку производящего, тем самым с неизбежностью будет носить субъективный, произвольный характер.

Известная нам из личного опыта судебно-экспертной деятельности **практика назначения и проведения экспертиз по делам рассматриваемой категории во всех случаях связана с интерпретацией (б)** – правоприменитель расследует обстоятельства, связанные с речевыми действиями, предметом речи в которых является одно и то же мероприятие, описываемое в процессуальных документах различным, но при этом существенно сходным образом, например (список не является исчерпывающим):

– «специальная военная операция, решение о проведении которой было принято 24.02.2022 Президентом Российской Федерации, в связи с обращением глав ДНР и ЛНР с просьбой об оказании помощи, в соответствии с ч. 7 ст. 51 Устава Организации Объединённых Наций от 26.06.1945, в соответствии с Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 22.02.2022 № 35-СФ, во исполнение ратифицированных Федеральным Собранием Российской Федерации 22.02.2022 Договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и ДНР и о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и ЛНР»;

– «использование Вооружённых Сил Российской Федерации на основании решения Верховным Главнокомандующим Вооружёнными Силами Российской Федерации – Президентом Российской Федерации с согласия Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, утвержденного постановлением от 22.02.2022 № 35-СФ «Об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан,

поддержания международного мира и безопасности на территории Украины в соответствии со статьей 10 Федерального закона «Об обороне» от 31.05.1996 № 61-ФЗ».

Следует заметить, что подобные описательные конструкции, применяемые, как правило, органами следствия при назначении экспертизы для обозначения того мероприятия по использованию ВС РФ, распространение информации о котором следствие заинтересовало, характеризуются наличием предположения, согласно которой цели указанного мероприятия определенно известны и соответствие целей этого мероприятия понятиям, связанным с защитой интересов Российской Федерации, интересов граждан Российской Федерации и т. д., в какой-либо дополнительной проверке и доказывании уже не нуждается.

1.2. Квалификация тех или иных действий по распространению информации как действий *публичных* относится к компетенции специалистов в областях лингвистики и (или) психологии лишь в части определения характера коммуникации. (Ср. методическое положение, принятое в судебно-экспертной практике РФЦСЭ при Минюсте России: «Для квалификации деяния, наряду с установлением наличия призыва и его направленности, следствию (суду) необходимо установить умысел автора призыва и публичность его действий. **В рамках экспертизы могут быть решены только вопросы** о целенаправленности коммуникативных, речевых действий автора (например, целенаправленность передачи определённых характеристик объекта речи), а также **о характере коммуникации (межличностный, публичный, массовый)**» [2, с. 12]).

2. Диспозиция ч. 1 ст. **207.3 УК РФ** включает в себя в качестве описания признаков деяния, ответственность за которое предусмотрена этой статьей, указания на то, что **(1)** распространённая информация является **ложной**; **(2)** ложность распространённой информации в момент её распространения являлась **заведомой** для лица, распространившего эту информацию.

Оценка истинностного статуса той или иной информации, в том числе её квалификация как ложной, в общем случае (за исключением ситуаций, когда распространён-

ная информация носит специальный лингвистический и (или) психологический характер) выходит за пределы ограниченной процессуальной компетенции лингвистов и психологов.

2.1. Лингвистический аспект, связанный с признаком заведомости ложного характера сведений, подробно рассмотрен в работе И.В. Жаркова и Е.А. Колтуновой «Обязательные лингвистические признаки заведомости ложного и (или) недостоверного характера сведений, содержащихся в продуктах речевой деятельности» [3]. Установление заведомости ложного характера сведений как таковой тесно связано с правовой категорией умысла и в общем случае, безусловно, выходит за пределы ограниченной процессуальной компетенции лингвистов и психологов, однако существует ряд специальных лингвистических признаков, проявляющихся в тексте объективно, которые могут либо служить косвенным подтверждением гипотезы о заведомости ложного характера информации, либо, напротив (и чаще), позволяют со всей определённостью эту гипотезу опровергнуть, поскольку «возможность оценки выраженных языковыми средствами сведений, признанных недостоверными, по параметру их именно **заведомой** недостоверности является функцией от лингвистических и коммуникативных свойств содержащих эту информацию высказываний и текстов» [3, с. 342]. Обязательным условием, обеспечивающим возможность квалификации каких-либо распространённых сведений как сведений заведомо ложных, является условие их выражения в спорном тексте в форме утверждений о фактах, традиционно противопоставляемой в судебной лингвистической экспертизе разнообразным формам выражения субъективного мнения. «Информация, имеющая лингвистические маркеры мнения или оценочного суждения, не может быть отнесена к заведомо ложной <...> Крайне важно для квалификации информации отделять языковую форму *утверждения* от *убеждения*, то есть *убеждённого мнения*» [3, с. 342].

Сказанное согласуется с известной нам из личного опыта судебно-экспертной деятельности **практикой назначения и проведения экспертиз** по делам рассматриваемой категории. Во всех известных нам случаях

следствием на разрешение экспертов ставились вопросы о наличии в спорном тексте информации, относящейся к интересующему следствие мероприятию в форме специальной военной операции, и о том, выражена ли такая информация в форме утверждений о фактах. Недопустимыми представляются наблюдаемые в некоторых случаях попытки отказа от решающего разграничения поля языковых форм с противопоставлением *утверждения о фактах vs субъективные оценки, предположения, выводы, etc.* в пользу сугубо грамматической оппозиции *утверждения vs не утверждения*, создающие предпосылки для введения суда в заблуждение относительно круга обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела по статье 207.3 УК РФ. Высказывание «Российские войска понесли значительные потери» включает в себя наряду с утверждением о факте неких потерь, понесённых ВС РФ, выраженную в грамматической форме скрытого утверждения субъективную оценку этих потерь как значительных, но проверена на соответствие действительности здесь может быть только информация, выраженная в форме утверждений о фактах. Субъективная оценка, по определению не допускающая проверки на соответствие действительности, тем самым ни при каких условиях не может быть признана заведомо ложной.

2.2. При выявлении **психологических признаков заведомости** ложного характера сообщаемых сведений необходимо понимать и учитывать, что повсеместно используемые в обыденной жизни слова *ложь, неправда, обман* с точки зрения психологии имеют различное значение и содержание. Разграничение описываемых этими понятиями психических феноменов проводится исходя из субъективного отношения лица, сообщающего недостоверные сведения своему собеседнику (слушателю, читателю), к этой информации, зависит от его намерений, его цели и совершаемых им действий в процессе реализации этой цели. Если *ложь* – сознательное искажение истины, осознанный продукт речевой деятельности субъекта с целью ввести собеседника в заблуждение, то *обман* – это полуправда, провоцирующая понимающего её человека на ошибочные выводы из достоверных фактов, а *неправда* – высказывание,

основанное на искреннем заблуждении говорящего или на его неполном знании о том, о чём он говорит [4; 5].

Основными и существенными признаками лжи являются осознание ложности, намерение ввести в заблуждение и желание наступления последствий, в которых говорящий заинтересован. **Ложь** как социально-психологический феномен – преднамеренное осознанно неверное утверждение, с помощью которого человек вводит других в заблуждение, она социальна по своей природе, вне зависимости от устной или письменной формы выражения всегда обращена к другим людям, принципиально отлична от заблуждений и ошибок, является продуктом когнитивных логических процессов, не является самоцелью, а представляет собой средство определённого воздействия на других людей, применяемое для того, чтобы сформировать у них желаемые для распространяющего ложную информацию лица оценки, суждения и побуждения к определённым действиям. **Проблема разграничения лжи и неправды**, а именно: отграничения намеренного введения кого-либо в заблуждение от бессознательного процесса трансляции говорящим собственного субъективного заблуждения или неполной, фрагментарной информации о чём-либо – актуальна при установлении истины для принятия решений правового характера и представляет собой традиционный предмет изучения юридической психологии [6; 7].

Н.В. Крогиус указывает, что «заметная часть информационных материалов» оценивается реципиентами «сквозь призму интересов государственных, национальных, классовых, сословных, профессиональных, возрастных, личных, а также многих других позиций, включая ситуативные. Естественно, что в связи с противоречивым характером человеческих отношений, столкновением интересов многие факты и суждения толковались по-разному. У одних что-то называлось правдой, у других – то же самое считалось ложью» [6; 8].

Человек может получить ложную информацию и поверить в неё (субъективно оценив её как истинную) под действием различных факторов:

– реципиент получил сведения из источника, которому он лично доверяет, так как привык доверять;

– люди, относящиеся к представителям референтной для реципиента группы, доверяют этому источнику и расценивают рассматриваемую информацию как достоверную;

– люди, не относящиеся к представителям референтной для реципиента группы, не доверяют этому источнику и расценивают рассматриваемую информацию как не являющуюся достоверной – здесь проявляется эффект группового фаворитизма, эффекта противостояния *ингруппы* и *аутгруппы* (МЫ/ОНИ): если наши оппоненты считают некую информацию ложной, это лишь подтверждает правдивость рассматриваемого информационного сообщения;

– информация непротиворечиво соотносится со сформированными у реципиента социальными (в том числе кросс-культурными) установками, с имеющимся у него субъективным жизненным опытом, с предшествующей получению информации осведомлённостью и т. д.

Закономерно, что на отношение к получаемой информации в высокой степени влияют связанные с этим событием обстоятельства, возбуждающие у данного реципиента сильный эмоциональный отклик. Срабатывает когнитивный эффект «фигура на фоне», где внимание и эмоциональные реакции распределяются в соответствии с эффектами фона. Так, при демонстрации сцен страданий людей и (или) животных негативный эмоциональный отклик настолько силён, что сопутствующая информация об обстоятельствах происходящего может оцениваться без должной критичности и анализа. Механизмы психологических защит срабатывают при этом автоматически, за счёт их включения снижается спонтанно возникшее сильное психоэмоциональное напряжение от столкновения с психотравмирующей информацией, искажающей картину мира, существующую у реципиента.

Человеку, получающему противоречивые сведения из разных источников информации, для того чтобы отбросить сформировавшееся предубеждение, требуется удостовериться, что то, во что он верит, ложно. Под влиянием неосознаваемых механизмов психологических защит, таких как *рационализация*, *интеллектуализация* и *компенсация*, человек, убеждённый в чём-либо, подсозна-

тельно будет допускать до осознания лишь те информационные фрагменты, которые подкрепляют существующее у него убеждение, и будет игнорировать информационные фрагменты, нарушающие целостность сложившегося ранее образа и противоречащие субъективному мнению, сформировавшемуся у этого человека. Критика к ситуации и, в особенности, к собственному отношению к ситуации в таких условиях снижена. Осуществление доступа к позиции, противоречащей убеждённости человека в своей правоте, если носителем этой позиции является не авторитетное для данного человека лицо, как правило, не влечёт за собой последствий в виде признания человеком своих убеждений ложными. Этот психологический эффект (вернее, отсутствие эффекта) наблюдается и в тех случаях, когда противоречащая убеждениям человека позиция исходит от властных структур, включая органы исполнительной власти, транслируется представителями министерств и ведомств Российской Федерации или иного государства, номинируется как официальная позиция органов власти, включая официальные позиции Министерства обороны РФ и Министерства иностранных дел РФ. Статус информационного сообщения об официальной позиции Министерства обороны РФ и Министерства иностранных дел РФ не способен автоматически изменить степень чьей-либо убеждённости в том, насколько эта официальная позиция состоит из утверждений о действительных фактах и насколько она является истинной в части обобщений, выводов и оценок.

На постсоветском пространстве сложилось иррациональное предубеждение, выражающееся в часто встречающихся сомнениях в истинности информации, поступающей из официальных источников, а также наблюдаемое у части населения России иррациональное недоверие к любой власти как таковой (вне зависимости от того, какая именно группа лиц находится у власти в тот или иной момент времени). В результате проведённых социологических исследований было выяснено, что «...эмпирический опыт взаимодействия населения с конкретными политиками или чиновниками оказывается отрицательным, вследствие этого власть имеет крайне низкий рейтинг доверия...», а также

что «...в России общество не доверяет власти и её действиям, и это является важнейшей проблемой...» [9]. В последнее время, если исходить из результатов опросов общественного мнения (согласно данным ВЦИОМ, полученным на основе опросов «ВЦИОМ-СПУТНИК» – ежедневного всероссийского телефонного опроса), доверие к власти неуклонно растёт. Так, доверие лицу, замещающему должность Президента РФ, возросло (с 65,5 % 26 декабря 2021 г. до 81 % 27 марта 2022 г.), однако при этом нетрудно увидеть, что это доверие всё же далеко не составляет 100 % мнения жителей России (27 марта 2022 г. зафиксировано, что 15,4 % населения лицу, замещающему должность Президента РФ, не доверяют)². Если человек имеет мнение, отличное от коллективного мнения лиц, составляющих в настоящее время множество представителей власти, и представления об истинности транслируемой ими информации о проводимой специальной военной операции, противоречащие официальной позиции Министерства обороны РФ и Министерства иностранных дел РФ, то любая информация, не подкреплённая достоверными и легко проверяемыми доказательствами, не основанная на легко проверяемых и подтверждающихся фактах, не будет восприниматься таким человеком в качестве достоверной, поскольку мнение представителей власти не является в данном случае мнением референтной для него группы и не вызывает у него доверия в автоматическом режиме. Наблюдая феномен недоверия власти со стороны части населения России, нетрудно увидеть, что противоречия между имеющимися установками и убеждениями этой части населения, с одной стороны, и официальной позицией органов власти Российской Федерации, с другой стороны, не являются для таких граждан поводом, причиной или стимулом к тому, чтобы непременно разделить официальную позицию Министерства обороны РФ и Министерства иностранных дел РФ и субъективно признать её истинной. Заявляемый статус «официальной позиции» Министерства обороны РФ и Министерства иностранных дел РФ не содержит оснований для признания этой позиции единственно верной и не

придаёт противоречащим этой позиции сведениям характера заведомой для лица X ложности даже в ситуации, когда достоверно установлено, что эта официальная позиция лицу X известна.

К числу факторов, подлежащих обязательному учёту в ходе психологического исследования спорных текстов, прямо или косвенно связанных с вопросами использования Вооружённых Сил Российской Федерации для проведения специальной военной операции, инициированной 24 февраля 2022 г., относятся возможные состояния психоэмоционального напряжения и психологического дискомфорта, вызванные высокой степенью **когнитивного диссонанса** – несоответствия между двумя или более когнитивными элементами, взаимоисключающими друг друга. В основе функционирования когнитивного диссонанса лежит «стремление человеческого сознания к согласованности, непротиворечивости его когнитивных элементов» [10]. Противоречие между когнитивными элементами провоцирует проявляющийся на психологическом и физиологическом уровне «дискомфорт, который стимулирует поиск решений, уменьшающих когнитивный диссонанс» [10] или устраняющих его. Способы снижения (устранения) когнитивного диссонанса для удовлетворения потребности в снижении психоэмоционального напряжения реализуются автоматически и на не осознаваемом уровне, через когнитивные искажения и психические защиты, также приводящие к искажению реальности, изменению картины мира для снижения уровня дискомфорта. *Рационализация* позволяет человеку найти объяснение, позволяющее сохранить привычную картину мира, даже если это объяснение не основано на реальности, оно будет казаться реальным, если соответствует ранее имевшимся знаниям, представлениям, убеждениям человека. Если при оценивании информации она гипотетически соответствует категории «истинной», но для придания ей статуса *истинности/ложности* не хватает требуемых критериями характеристик, то сознание начинает поиск и создание логически обоснованных «переходов» к вызывающей эмоциональный дискомфорт своей противоречивостью информации, в результате чего информации приписывается

² ВЦИОМ: сайт. Доверие политикам. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam>

характеристика, которая логически у этой информации могла бы быть, после чего информация «успешно проходит через так называемый *фильтр веры*» [11].

Условия социальной и информационной среды, в которой создаются и распространяются тексты, являющиеся спорными в рамках рассматриваемой категории дел, **полностью отвечают ситуации когнитивного диссонанса**. Столкновение нескольких потоков информации, каждый из которых противоречит другим, и при этом каждый из элементов информации сам по себе может быть и истинным, и ложным, а достоверно определить, что есть истина, в этой ситуации на уровне обыденного восприятия и на базе житейского опыта не представляется возможным, подвергает психику человека мощному травмирующему воздействию, вызывает высокую степень психоэмоционального дискомфорта. Воздействие информации, содержащей противоречия, которые человек на уровне обыденного восприятия и на базе житейского опыта не способен разрешить без ущерба для своего состояния, на протяжении нескольких месяцев с момента принятия решения о проведении специальной военной операции постоянно усиливается за счёт поступления новых информационных блоков, в том числе содержащих сведения, травмирующие для субъекта их восприятия, – сообщения о страданиях, разрушениях, смерти неизбежно вызывают негативную эмоциональную реакцию у любого здорового человека. С высокой вероятностью сильное психотравмирующее воздействие могут оказать такие противоречивые сведения, в отношении которых человек, в чьей психике произошло столкновение этих информационных потоков, самостоятельно не способен дать ответ об истинности/ложности той или иной информации.

Минимальный уровень когнитивного диссонанса и высокая скорость уменьшения его степени (вплоть до устранения) и, соответственно, снижения психологического дискомфорта, должны присутствовать у той части населения России ($\geq 81\%$, по приведённым выше данным ВЦИОМ), которая доверяет Президенту Российской Федерации, и которая тем самым заранее склонна рассматривать любые его решения как правильные

по умолчанию, направленные на благо государства и его граждан. При наличии такой психологической установки описанный выше когнитивный диссонанс преодолевается легко, с помощью стратегии, включающей в себя *проекцию (опору на непререкаемый авторитет), идентификацию, смещение, отрицание, вытеснение и регрессию*. Указанные стратегии, реализуемые через подключение не осознаваемых индивидом механизмов психической защиты, способны достаточно быстро устранить дискомфорт, вызванный диссонантными отношениями, «перебор стратегий происходит до полной победы одного из аргументов» [11]. Опора на авторитет лица, в настоящее время в очередной раз замещающего должность Президента Российской Федерации, является в данном случае настолько мощной основой стратегии преодоления когнитивного диссонанса, что воздействия иных стратегий *совладания* с психологическим дискомфортом не требуется вовсе или они используются в минимальном объёме. Доверяя действующему Президенту Российской Федерации, доверяя органам государственной власти России, более 81 % граждан России вследствие этого априорно доверяют также официальной позиции Министерства обороны Российской Федерации, изложенной в официальных брифингах, и информации Министерства иностранных дел Российской Федерации.

В свою очередь другой части населения России ($\leq 15,4\%$), а именно тем лицам, которым не посчастливилось войти в состояние безусловного доверия Президенту Российской Федерации, преодолеть когнитивный диссонанс существенно сложнее и тяжелее. В их случае состояние сильного психологического дискомфорта, вызванного высокой степенью когнитивного диссонанса, сопровождается проживанием чувства вины, самоидентификацией через гуманистические идеи «коллективной ответственности». Такие феномены, как «*проекция*» и «*фильтр веры*», представлены здесь в зеркальном эквиваленте, а именно: люди, не доверяющие власти, в результате преодоления ими когнитивного диссонанса оказываются склонными расценивать поступающую из официальных российских источников информацию как ложную, а любые сведения, противоречащие ей, –

как правдивые. Стремясь к избавлению от метафизической вины в процессе преодоления когнитивного диссонанса через изменение поведенческих когнитивных компонентов, эти люди осуществляют распространение информации, которую субъективно считают истинной. При этом в размещаемых ими спорных текстах в большинстве случаев не обнаруживается психологических признаков направленности на распространение заведомо ложной информации; подлинная направленность оказывается связанной с удовлетворением совершенно иных потребностей, связанных с поддержанием психологического равновесия и гомеостаза.

2.3. Исходя из известной нам из личного опыта судебно-экспертной деятельности **практики назначения и проведения экспертиз** по делам рассматриваемой категории, одна из характерных претензий к текстам, возникающих у органов следствия и иных правоприменителей, связана с употреблением существительного *война* для номинации специальной военной операции. В основе таких претензий лежит позиция, сформулированная представителем Генеральной прокуратуры РФ в одном из процессуальных документов следующим образом: «Недостовверное изложение сути проводимой военной операции с одновременным использованием термина «война» представляет повышенную общественную значимость, поскольку участие Российской Федерации в полномасштабных военных действиях будет затрагивать широкий круг общественных интересов как в социальной, так и в экономической сферах (мобилизация населения, введение комендантского часа и другие)»³.

Следует подчеркнуть, что базис такой позиции, как нетрудно видеть, составляет трактовка номинации *война* как **специального термина юриспруденции**. Прочитанное суждение может считаться корректным лишь применительно к терминологически строгим текстам научного и официально-делового стилей, для которых справедливым будет утверждение о том, что словесное обозначение *война* действительно является в их составе термином в строгом смысле этого последнего слова.

Однако, по данным «Большого толкового словаря», прямое, первое словарное значение существительного *война*, если рассматривать его не в качестве специального термина юриспруденции или военного дела, а как общеупотребительное слово, описывается дефиницией ‘Вооружённая борьба между государствами, народами, племенами и тому подобное или общественными классами внутри государства’.

По данным того же источника, первое словарное значение прилагательного *военный* определяет его как относительное по значению 1 существительного *война*. По общему правилу значение относительных прилагательных в подобных случаях может быть определено как ‘имеющий отношение к явлению, названному мотивирующим именем существительным’. Следовательно, прямое словарное значение 1 прилагательного *война* может быть представлено в виде ‘имеющий отношение к войне – вооружённой борьбе между государствами, народами, племенами и тому подобное или общественными классами внутри государства’.

Понятийное содержание термина *военная операция* определяется в военном деле как форма ведения военных (имеющих отношение к войне – вооружённой борьбе между государствами, народами, племенами и тому подобное или общественными классами внутри государства) действий оперативными (оперативно-стратегическими) объединениями вооружённых сил, совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, задачам, месту, времени ударов, манёвров, боёв и сражений разнородных войск (сил) видов Вооружённых Сил, которые проводятся одновременно и последовательно в соответствии с единым замыслом и планом для решения задач на театре военных действий или театре войны, стратегическом или операционном направлении (в определённой зоне, районе) в установленный период времени [12, т. 6, с. 64-67].

Точное понятийное содержание как родового термина *военная операция*, так и видового по отношению к нему термина *специальная военная операция* в полном объёме не относится к компетенции специалистов в области лингвистики, однако можно вполне определённо утверждать, что:

³ РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/07/2022/62d952339a7947e78507a3ce>

– мероприятие, которое может быть обозначено в текстах на современном русском литературном языке термином *военная операция*, определённо представляет собой совокупность действий, имеющую отношение к войне – вооружённой борьбе между государствами, народами, племенами и тому подобное или общественными классами внутри государства;

– мероприятие, которое может быть обозначено в текстах на современном русском литературном языке как государственном языке РФ термином *специальная военная операция*, представляет собой некий особый вид, частный случай военной операции.

В составе обоих указанных терминов прилагательное *военный* употребляется в словарном значении 1 ‘имеющий отношение к войне – вооружённой борьбе между государствами, народами, племенами и тому подобное или общественными классами внутри государства’.

В общем случае отнесённость чего-либо к войне может быть различной. Так, например, в словесном обозначении *военные действия* в составе словосочетания «военные действия против Квантунской армии в августе 1945 года» смысловое содержание этого прилагательного может быть конкретизировано в виде ‘являющийся частью войны как вооружённой борьбы между государствами’, а в составе словосочетаний *военная промышленность* или *военные поставки* – в виде ‘предназначенный для обеспечения потребностей ведения войны как вооружённой борьбы между государствами, народами, племенами и тому подобное или общественными классами внутри государства’.

То обстоятельство, что в ходе проведения специальной военной операции за пределами государственной границы РФ, начавшейся 24 февраля 2022 г., систематически происходят акты вооружённой борьбы между государствами, в том числе между Российской Федерацией и Республикой Украиной, в том числе между легально существующими в указанных государствах вооружёнными силами, является общеизвестным.

Таким образом, точное смысловое содержание имени прилагательного *военный* в составе словосочетания *специальная военная операция* при его применении для обозначения

указанного мероприятия конкретизируется в виде ‘представляющий собой совокупность актов войны как вооружённой борьбы между государствами’. Тем самым термин *специальная военная операция* при его применении для номинации указанного мероприятия обозначает частный случай явления, в норме обозначаемого в современном русском языке общеупотребительным словом *война* в его первом, прямом словарном значении.

С учётом изложенного, обозначение именем существительным *война* специальной военной операции, проводимой ВС РФ на основании решения Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами Российской Федерации – Президента Российской Федерации с согласия Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, утверждённого постановлением от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ «Об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации», в текстах, которые не относятся к научному и официально-деловому стилям современного русского языка, исходя из описанных лингвистических свойств такой номинации, не может рассматриваться как заведомо ложная информация. **Называя указанную спецоперацию войной, носитель современного русского языка вполне добросовестно реализует свою языковую компетенцию.**

3. Диспозиция ч. 1 ст. 207.3 УК РФ включает в себя в качестве описания одного из признаков деяния, ответственность за которое предусмотрена этой статьей, указание на то, что распространённая информация имеет вид достоверных сообщений.

Результаты анализа указанного признака аналогичны описанным в уже цитированной выше статье И.В. Жаркова и Е.А. Колтуновой для ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ. «Словесная конструкция *под видом достоверного сообщения* предполагает <...> необходимость изучения языковой формы выражения сведений и коммуникативных свойств продуктов речевой деятельности, эти сведения содержащих, что предполагает наличие компетенции специалистов в областях лингвистики и психологии» [3, с. 342]. Как показано в указанной работе, речь идёт о представлении

информации как несомненной, когда говорящий выдаёт сообщаемые им сведения (в данном случае являющиеся для него заведомо ложными) «за своё твёрдое знание, что полностью соответствует использованному [законодателем] предлогу *«под видом»* в его единственном значении *‘выдавая кого-, что-л. за нечто иное’*» [3, с. 340].

При этом формой выражения информации, соответствующей её представлению в виде твёрдого знания говорящего, является форма утверждения о фактах – единственная форма, отражающая реальный мир, а не те субъективные представления о мире, которые сложились в сознании говорящего. Следовательно, **с точки зрения типовых экспертных задач по данной категории дел признак вида достоверных сообщений является дублирующим по отношению к признаку заведомости** ложного характера распространяемых сведений, предполагая **необходимость выявления в спорном тексте информации, выраженной в форме утверждений о фактах**: именно эта форма выражения сведений является единственной, которая не исключает возможности их заведомой ложности, и эта же форма обеспечивает распространяемой информации вид достоверных сообщений.

4. Диспозиции ч. 1 ст. 280.3 УК РФ и ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ включают в себя в качестве описания одного из признаков деяний, ответственность за которые предусмотрена этими статьями, указание на то, что эти деяния **направлены на дискредитацию** определённого (описанного выше) использования ВС РФ.

4.1. Лингвистические аспекты этого признака и лежащего в его основе понятия дискредитации как целенаправленного речевого действия подробно рассмотрены в работе Е.А. Колтуновой и И.В. Жаркова «О пределах применения в лингвоэкспертной практике понятия речевой стратегии дискредитации» [13]. Положение о значимости и релевантности для сферы СЭД понятия дискредитации, подлежащего трактовке именно в качестве речевой стратегии, реализующейся в виде совокупности преднамеренных, подчинённых единой цели подрыва доверия к кому-либо или чему-либо речевых действий, разделяется также другими исследователями,

в частности, Е.И. Галяшиной: **«Целенаправленный** выбор языковых средств, направленных на **дискредитацию** положительных качеств и действий лица, формирует его негативный имидж, служит для доказывания того, что распространённые об истце сведения носят порочащий характер» [14, с. 255]. В сфере судебной лингвистической экспертизы в последнее время активно применяются алгоритмы, предложенные О.С. Иссерс [15; 16] и Н.Б. Руженцевой [17], также базирующиеся на идее определённой коммуникативной направленности стратегии дискредитации, – так, в случаях, когда объектом дискредитации выступает лицо, речь идёт о речевом воздействии, планируемый результат которого состоит в том, что адресат, или объект дискредитации должен быть «обижен, причём несправедливо, оскорблён», должен «чувствовать себя объектом насмешки» [16].

В указанной работе Е.А. Колтуновой и И.В. Жаркова приведены результаты дефиниционного анализа понятия дискредитации [13, с. 220-221], указывающие на его понятийное содержание, которое в общем случае может быть определено следующим образом: **‘подрыв доверия (убеждённости в честности, добросовестности, искренности кого-либо, чего-либо, в правильности чего-либо и основанного на этой убеждённости отношения к кому-либо, чему-либо) к кому-, чему-л., умаление авторитета, достоинства, значения кого-, чего-л.’**. Поскольку как в диспозиции ч. 1 ст. 280.3 УК РФ, так и в диспозиции ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ в качестве объекта дискредитации указывается не какое-либо физическое и юридическое лицо или совокупность таких лиц, а абстрактное понятие использования Вооружённых Сил, можно констатировать, что в рамках дел данной категории общее **понятие дискредитации** не является применимым в части, связанной с семантическими компонентами **‘честность’, ‘искренность’, ‘авторитет’, ‘достоинство’** (перечисленные семантические компоненты называют свойства, релевантные исключительно для лиц, и не могут рассматриваться как свойства абстрактных понятий, в том числе понятия *использование*), и может быть конкретизировано для дел данной категории как **‘подрыв доверия к чему-либо (убеждённости в добросовестности чего-либо, в**

правильности чего-либо и основанного на этой убеждённости отношения к чему-либо), умаление значения чего-либо’.

Полностью аналогично описанному в указанной работе положению дел с применением понятийного аппарата речевой стратегии дискредитации в судебно-экспертных исследованиях по так называемым «диффамационным» делам, для дел рассматриваемой категории справедлив вывод о том, что **«если не соответствующих действительности утверждений о фактах в тексте не имеется, вывод о реализации иных признаков речевой стратегии дискредитации не имеет и не может иметь значения для разрешения дела»** [13, с. 225-226]. С практической точки зрения это означает, что, сообразуясь с общей задачей СЭД, состоящей в содействии правоприменителю в установлении обстоятельств, имеющих доказательственное значение для разрешения конкретного дела, эксперту при отсутствии в спорном тексте потенциально дискредитирующих использование ВС РФ утверждений о фактах следует трактовать иные выявленные им специальные признаки дискредитации как признаки, не являющиеся значимыми, а при наличии таких утверждений о фактах – обратить внимание правоприменителя на то, что выявленные в ходе экспертизы признаки дискредитации могут рассматриваться как значимые лишь в том случае, если судом будет установлено, что эти утверждения о фактах не соответствуют действительности.

4.2. Психологические аспекты понятия направленности на дискредитацию предполагают необходимость обнаружения психологических признаков субъективной направленности текста на достижение соответствующей цели как искомого коммуникативного намерения.

При условии достаточности объёма спорного текста целесообразно применение количественно-качественных методов психологического исследования текста. Применение таких методов исследования, как интент-анализ и контент-анализ спорных текстов (сообщений, объектов исследования), позволяет избежать субъективности исследователя при изучении объекта, в частности, при интерпретации текста, поскольку получаемые в результате применения этих мето-

дов данные обладают свойством повторяемости, проверяемости и опровергаемости, что соответствует принципам научного исследования в ходе осуществления СЭД. Для рассматриваемой новой категории дел предпочтителен прежде всего **интент-анализ**, позволяющий выявить **коммуникативную направленность** спорного текста (сообщения), которая должна устанавливаться с учётом контекста его обнародования (в том числе посредством размещения на определённом информационном ресурсе) и той коммуникативной ситуации, в которой он использовался. Основная цель метода интент-анализа – «реконструирование интенций высказывающегося по его речи (тексту), то есть выявление направленных вовне внутренних импульсов, намерений говорящего» [18].

В случае если особенности представленного для исследования информационного материала не позволяют провести кодировку и количественную обработку массива данных и выявить статистику встречаемости различных тем и интенций, характеризующих дискурс лица, речь (тексты) которого подлежат исследованию (слишком короткий текст длиной два-три предложения; креализованный текст и тому подобное), при проведении психологического исследования критически важной является необходимость организовать применение интерпретационного (качественного) анализа таким образом, чтобы, во-первых, предотвратить субъективное влияние исследователя на интерпретацию материалов, а, во-вторых, исходя из специфики особенностей рассматриваемой коммуникативной ситуации, иметь возможность выявить или исключить определённые конкретные интенции, содержащиеся в спорном тексте. Впрочем, эти требования к организации интерпретационного анализа справедливы и в ситуации, когда этот вид анализа применяется как дополнение к уже проведённому интент-анализу на этапе интерпретации полученных количественных показателей. Целесообразно опираться при этом на принятые при психологическом анализе политических текстов такие подлежащие выявлению **интенциональные категории**, как *презентация, самопрезентация, самокритика, безличные обвинения, безличное разоблачение, дискредитация, критика, обвинение,*

противостояние, размежевание, разоблачение, угроза, кооперация, побуждение, предупреждение, успокоение аудитории, анализ нейтральный, анализ отрицательный, анализ положительный, положительное оценивание, оценивание отрицательное, информация (приведение точных данных и фактов) [18; 19].

Существенно заметить, что интенции *критика, разоблачение, размежевание, дискредитация* и иные им подобные, связанные с присутствием в тексте негативной информации, выделены как отдельные категории анализа и отграничиваются друг от друга, поскольку отражают различные, отличающиеся психологические потребности и мотивы, различный когнитивный и аффективный рисунок субъективных внутренних импульсов и намерений говорящего. При невнимательности или субъективном неосознаваемом предубеждении исследователя существует иллюзорный риск контаминации – вторжения системы субъективных ценностей исследователя в интерпретацию рассматриваемых материалов. Так, признаки интенции *критика* по отношению к описываемому в спорном тексте явлению, событию, лицу при поверхностном либо пристрастном интерпретационном исследовании текста могут быть ошибочно расценены как признаки интенции *дискредитация*, несмотря на существенную разницу дефиниций: под *дискредитацией* понимается «приведение фактов и аргументов, подрывающих доверие к кому-либо или чему-либо, умаляющих чей-нибудь авторитет», а интенция *критика* определяется как «отрицательное суждение о человеке, людях (и его или их действиях и поступках)». Далекое не каждое отрицательное суждение о ком-либо или о чём-либо может быть обоснованно интерпретировано как результат реализованного коммуникативного намерения, имеющего направленность на *дискредитацию*, и, учитывая это, необходимо прояснить мотивы (понимаемые сугобо в психологическом смысле) действий лица, осуществившего публикацию спорного текста, рассматривая эти мотивы как следствие той или иной имеющейся у этого лица неудовлетворенной потребности. Зачастую из психологического контекста ситуации следует, что спорный текст, содержащий высказывания стрессогенного и (или) конфликтного

характера, имеет лишь дополнительную, вторичную коммуникативную направленность на критику события или явления, привлекающего внимание говорящего, а выявляемая в результате анализа текста основная коммуникативная направленность связана с необходимостью отражения вовне внутренних импульсов лица, опубликовавшего спорный текст, снижения таким образом спонтанно возникшего психоэмоционального напряжения, удовлетворения потребности в сохранении и поддержании психоэмоционального равновесия и целостности (гомеостаза).

Во всех известных нам делах данной категории под «использованием Вооружённых Сил Российской Федерации» имеется в виду вполне определенное мероприятие – специальная военная операция за пределами государственной границы РФ, начавшаяся 24 февраля 2022 г. На коммуникативную направленность текста, предметом речи в которых является указанное мероприятие, в настоящее время неизбежно влияют **психотравмирующий эмоциональный фон** и проживаемый лицом, опубликовавшим спорный текст, **полиmodalный внутренний конфликт** между мотивами, между ролями, между установками, понимаемыми в психологическом смысле как *предготовность* к действию.

К внутриличностному конфликту между ролями в данном случае относится противоречие между ролью, определяемой статусом гражданина Российской Федерации, с одной стороны, и ролью лица, сомневающегося в правильности действий своего государства, с другой стороны.

Внутриличностный конфликт между установками основан на противоречии между сложившейся в результате жизненного опыта, влияния среды и воспитания социально-психологической установкой негативного отношения к войне, негативного отношения к насилию и *предготовности* осуждать действия, имеющие явные и ощутимые признаки *войны* («вооружённой борьбы между государствами, народами, племенами и тому подобное или общественными классами внутри государства», согласно общеупотребительному прямому словарному значению), и поддерживать противоположное состояние, но-

минируемое именованное существительным *мир* ('отсутствие войны, вооружённых действий между государствами; согласное сосуществование государств, народов'), гордиться своим государством как государством-мироотворцем и защитником безопасности, с одной стороны, и возникающей и формирующейся под влиянием среды новой установкой, связанной с тем, что находящемуся в состоянии этого конкретного внутриличностного конфликта человеку приходится переоценивать характер действий своей страны, видоизменять своё восприятие понятия *война*, испытывать стыд вместо гордости и т. д., с другой стороны.

Противоречие между мотивом оставаться пассивным и, безусловно, законопослушным гражданином, обеспечить таким образом свою потребность в безопасности, с одной стороны, и мотивом попробовать повлиять на ситуацию (например, путём размещения в социальных сетях публикаций), реализовав потребность в самоуважении, порождает **внутриличностный конфликт между мотивами**.

Определённая коммуникативная направленность на *дискредитацию* кого-либо или чего-либо имеет место в такой коммуникативной ситуации, когда лицо, высказывающееся в публичном пространстве, осознаёт, что его высказывания подрывают доверие к кому-либо или чему-либо, умалят чей-нибудь авторитет, при этом предвидит возможность или неизбежность наступления таких последствий и осознанно желает кого-либо или что-либо дискредитировать. О психологических признаках направленности на *дискредитацию* можно говорить лишь в том случае, когда наряду с описанным внутриличностным конфликтом наблюдается также конфликт межличностный (противоречия) с третьим лицом, которое высказывающийся намерен, желает и готов *дискредитировать*, подрывая к нему доверие. При отсутствии достоверных данных, свидетельствующих о том, что лицо действовало не *реактивно*, а *проактивно* и осознавало своё намерение и желание осуществить *дискредитацию*, коммуникативная направленность текста даже при наличии психологических признаков негативного отношения к описываемой в тексте ситуации должна определяться иным обра-

зом (в зависимости от содержания конкретного текста это могут быть, например, интенции *критика, размежевание, разоблачение, анализ негативный, оценивание негативное*), а следовательно, должен быть сделан вывод об отсутствии в спорном тексте психологических признаков направленности на *дискредитацию*.

5. Важно иметь в виду, что **объектом наказуемой с точки зрения закона дискредитации** выступают не Вооружённые Силы РФ как организация или совокупность военнослужащих и не их действия, а **использование Вооружённых Сил Российской Федерации** в определённых целях, то есть **действия субъекта такого использования – осознанного и целенаправленного получения этим лицом услуг от Вооружённых Сил Российской Федерации** при условии, что это получение услуг направлено к защите любых интересов РФ, интересов всех или некоторых граждан РФ и т. д.

Как нам известно из личного опыта судебно-экспертной деятельности, в некоторых случаях следователями на разрешение экспертов ставятся вопросы вида «Имеются ли в публикациях ..., представленных на экспертизу, высказывания, содержащие утверждения о действиях Вооружённых Сил Российской Федерации (российских военных) на территории другого государства? Если да, то каких?», «Содержится ли в представленных материалах информация о действиях Вооружённых Сил Российской Федерации на территории Р. Украины, выраженная в форме утверждения о фактах и событиях?».

Сталкиваясь с подобными вопросами, эксперт должен сообразовать свои действия с общей задачей СЭД, установленной статьёй 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и состоящей в содействии правоприменителю в установлении обстоятельств, имеющих доказательственное значение по конкретному делу. Следует учитывать, что не всякая информация о действиях, совершаемых ВС РФ «на территории другого государства», является информацией об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации, осуществляемом неким не названным законодателем лицом. Значимыми для разрешения дела могут быть только све-

дения о таких действиях Вооружённых Сил, которые являются частью процесса осознанного и целенаправленного получения этим не названным лицом услуг от Вооружённых Сил Российской Федерации, а не побочным эффектом такого использования. Иными словами, речь идёт о тех действиях Вооружённых Сил Российской Федерации, которые соответствуют замыслу лица, получающему от них услуги, направленные к защите интересов РФ, защите интересов всех или некоторых граждан РФ и т. д. Игнорирование экспертом общей задачи СЭД в данном случае с неизбежностью повлечёт за собой создание угрозы введения суда в заблуждение относительно круга обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела.

6. Из личного опыта судебно-экспертной деятельности нам известно также, что в некоторых случаях следователи ставят на разрешение экспертов вопросы о соответствии содержащихся в спорных текстах сведений «содержанию официальной позиции Министерства обороны РФ», «содержанию официальной позиции Министерства иностранных дел РФ» и т. п. На экспертизу в этом случае могут представляться, например, материалы в виде «стенограмм брифингов руководителя Департамента информации и массовых коммуникаций Министерства обороны РФ генерал-майора Конашенкова», «видеоматериалов, содержащих выступления министра иностранных дел Лаврова», статей СМИ с изложением содержания указанных позиций и т. п. **Разрешение экспертами подобных вопросов представляется недопустимым**, так как, исходя из норм и правил современного русского языка как государственного языка Российской Федерации, имя существительное *позиция* в составе словосочетаний *официальная позиция Министерства обороны РФ* и *официальная позиция Министерства иностранных дел РФ* выражает точное значение, которое может быть представлено следующим образом: ‘мнение и (или) убеждение, положенные в основу поведения названных организаций’. Как существительное *позиция*, так и приведённые словосочетания обозначают форму информации, абсолютно противопоставляемую в лингвистической и психолого-лингвистической экспертизе форме утверждения о фактах, прежде всего по

параметру верифицируемости информации, выраженной в данных формах. Истинность позиции (мнения, убеждения), как истинность вообще любого суждения, может быть подвергнута оценке на основе различных критериев, выбор которых в общем случае является субъективным и, следовательно, произвольным, но такая оценка ни в коем случае не является проверкой информации на соответствие действительности. Фактически налицо попытка следствия осуществить **подмену верификации фактических сведений их сопоставлением с мнением третьих лиц**. Принимая во внимание всё ту же законодательно установленную общую задачу СЭД, долг эксперта в данной ситуации состоит в том, чтобы обратить на описанные обстоятельства внимание правоприменителя и отказаться отвечать на поставленный перед экспертом вопрос, мотивируя свой отказ необходимостью предотвращения угрозы введения суда в заблуждение.

ВЫВОДЫ

Проведённое исследование выявило следующие **типовые экспертные задачи**, подлежащие решению при производстве лингвистических и комплексных психолого-лингвистических экспертиз по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, расследуемым соответственно по статьям 207.3 и 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ, вытекающие из сущностных свойств и особенностей судебных дел данной категории, соответствующие общей задаче СЭД, определённой статьей 2 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», и отражающие практику правоприменения перечисленных норм законодательства:

- выявление в спорном тексте информации о любом конкретном акте осознанного и целенаправленного получения любым лицом неких конкретных услуг от Вооружённых Сил Российской Федерации, подлежащем рассмотрению в совокупности фактических обстоятельств, связанных с оказанием этих услуг, в том числе в совокупности поступков, совершаемых в ходе оказания этих услуг лицами, составляющими Вооружённые Силы РФ, и в совокупности иных событий,

с оказанием этих услуг, связанных с фиксацией точного содержания такой информации;

– точное установление предмета речи. Важно иметь в виду, что объектом наказуемой с точки зрения закона дискредитации выступают не Вооружённые Силы РФ как организация или совокупность военнослужащих и не их действия, а использование Вооружённых Сил Российской Федерации в определённых целях, то есть действия субъекта такого использования – осознанного и целенаправленного получения этим лицом услуг от Вооружённых Сил Российской Федерации при условии, что это получение услуг направлено к защите любых интересов РФ, интересов всех или некоторых граждан РФ и т. д.;

– установление формы выражения указанной информации при решающем противоположении формы утверждения о фактах различным формам выражения мнения. Данная экспертная задача, во-первых, связана с проверкой гипотезы о предположительной заведомости ложного характера распространённых сведений, поскольку выражение тех или иных сведений в формах, отличных от формы утверждения о фактах, является специальным лингвистическим признаком, позволяющим исключить такую заведомость. Во-вторых, форма утверждения о фактах является единственной формой высказываний, отвечающей признаку наличия у распространённой информации вида достоверного сообщения. В-третьих, наличие в тексте ложных утверждений о фактах является критически важным условием установления лингвистических и психологических признаков его направленности на дискредитацию чего-либо;

– определение характера коммуникации (межличностный, публичный, массовый). Данная экспертная задача связана с установлением специальных признаков предположительной публичности действий по распространению информации;

– установление специальных психологических признаков заведомости ложного характера распространённых сведений, основанных на отграничении предполагаемой лжи от предполагаемых неправды и обмана. При решении данной экспертной задачи необходимо учитывать особенности коммуникативной ситуации, в которой произведено распространение информации, включая условия социальной и информационной среды в целом и, в частности, наблюдаемый в настоящее время конфликт информационных потоков, относящихся к инициированной 24 февраля 2022 г. специальной военной операции, проводимой с использованием Вооружённых Сил РФ, который с высокой вероятностью способен вызывать у отправителя спорного сообщения состояния когнитивного диссонанса и связанных с ним психоэмоционального напряжения и психологического дискомфорта. Указанные состояния являются существенным фактором, подлежащим учёту при разграничении лжи и неправды;

– установление стилистической принадлежности спорного текста. Данная экспертная задача является критической, в частности, для адекватной объективно проявляющимся свойствам спорного текста интерпретации словоупотреблений существительного *война*, использование которого для обозначения специальных военных операций недопустимо в текстах официально-делового и научного стиля, но полностью отвечает языковой норме в текстах иной стилистической принадлежности;

– установление коммуникативной направленности спорного текста. При решении данной экспертной задачи критически важным является отграничение интенции *дискредитация* от интенций *критика*, *размежевание*, *разоблачение*, *анализ негативный*, *оценивание негативное*. В случае достаточности объёма спорного текста при решении данной задачи целесообразно применение метода интен-анализа.

Список источников

1. Шамаев А.М., Болобан М.Л. Вопросы правоприменительной практики при квалификации деяний, подпадающих под ст. 280.3. УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации» // Образование и право. 2022. № 4. С. 187-190. <http://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-4-186-190>

2. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
3. Жарков И.В., Колтунова Е.А. Обязательные лингвистические признаки заведомости ложного и (или) недостоверного характера сведений, содержащихся в продуктах речевой деятельности // Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах: Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Первый класс, 2021. С. 334-345.
4. Знаков В.В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 9-16.
5. Чахойн А.С. Понятие лжи: дифференциальная диагностика // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 2. С. 74-79.
6. Крогуис Н.В. Правда о лжи: проблема рефлексии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9. № 3. С. 105-110.
7. Пономаренков В.А. Биология ложных показаний // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 1. С. 72-82.
8. Литвинова Т.А., Шевченко И.С., Литвинова О.А., Рыжкова Е.С. Диагностирование истинности/ложности высказывания как одно из направлений моделирования личности автора письменного текста // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. № 24. С. 119-125.
9. Царёв А.В., Крупенков В.В., Миненко Т.К. Проблема доверия к власти в России // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. № 4. С. 118-121.
10. Савицкая Т.В. Становление теории когнитивного диссонанса // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2015. № 16. С. 107-111.
11. Савицкая Т.В. Роль веры в преодолении когнитивного диссонанса в обыденном сознании // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2013. № 2 (22). С. 46-53.
12. Советская военная энциклопедия / пред. ред. комис. А.А. Гречко: в 8 т. М.: Воениздат, 1976. Т. 6. 671 с.
13. Колтунова Е.А., Жарков И.В. О пределах применения в лингвоэкспертной практике понятия речевой стратегии дискредитации // Нефилология. 2022. Т. 8. № 2. С. 218-227. <http://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-218-227>
14. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза. М.: Проспект, 2021. 424 с.
15. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 284 с.
16. Иссерс О.С. Речевое воздействие. М.: Флинта; Наука, 2009. 224 с.
17. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приёмы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004. 294 с.
18. Анисимова Т.В., Никифорова Л.Ю., Самуйлова И.А., Щербакова Н.В. Основные методы психологического анализа политических текстов: Практикум по курсу лекций «Психология политической коммуникации». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 124 с.
19. Ушакова Т.Н. Рождение слова. Проблемы психологии речи и психолингвистики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 524 с.

Referenses

1. Shamayev A.M., Boloban M.L. Voprosy pravoprinenitel'noy praktiki pri kvalifikatsii deyaniy, podpadayushchikh pod st. 280.3. UK RF «Publichnyye deystviya, napravlennyye na diskreditatsiyu ispol'zovaniya Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii» [Issues of law enforcement practice in the qualification of actions under art. 280.3. Criminal Code of the Russian Federation “Public actions aimed to discredit the use of the Armed Forces of the Russian Federation”]. *Obrazovaniye i pravo – Education and Law*, 2022, no. 4, pp. 187-190. <http://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-4-186-190> (In Russian).
2. Kukushkina O.V., Safonova Y.A., Sekerazh T.N. *Metodika provedeniya sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodeystviyem ekstremizmu i terrorizmu* [Methodology of Forensic Psychological and Linguistic Examination of Case Materials Dealing with Countering Extremism and Terrorism]. Moscow, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation Publ., 2014, 98 p. (In Russian).
3. Zharkov I.V., Koltunova E.A. Obyazatel'nyye lingvisticheskiye priznaki zavedomosti lozhnogo i (ili) nedostovernogo kharaktera svedeniy, soderzhashchikhsya v produktakh rechevoy deyatel'nosti [Mandatory linguistic features of deliberately misleading and/or unreliable information in speech]. *Mezhdunarodnaya*

- nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Voprosy russkogo yazyka v yuridicheskikh delakh i protsedurakh» [International Scientific and Practical Conference “Issues of the Russian Language in Legal Matters and Procedures”]. St. Petersburg, First class Publ., 2021, pp. 334-345.
4. Znakov V.V. Nepravda, lozh' i obman kak problemy psikhologii ponimaniya [Untruth, False and Deception as Problems of the Psychology of Understanding], *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 1993, no. 2, pp. 9-16. (In Russian).
 5. Chakhoyan A.S. Ponyatiye lzhi: differentsial'naya diagnostika [The concept of lie: differential diagnosis]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya – Theoretical and experimental psychology*, 2015, vol. 8, no. 2, pp. 74-79. (In Russian).
 6. Krogius N.V. Pravda o lzhi: problema refleksii [The truth about lies: the problem of reflection]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2009, vol. 9, no. 3, pp. 105-110. (In Russian).
 7. Ponomarenkov V.A. Biologiya lozhnykh pokazaniy [Biology of false testimony]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' – Legal Policy and Legal Life*, 2020, no. 1, pp. 72-82. (In Russian).
 8. Litvinova T.A., Shevchenko I.S., Litvinova O.A., Ryzhkova E.S. Diagnostirovaniye istinnosti/lozhnosti vyskazyvaniya kak odno iz napravleniy modelirovaniya lichnosti avtora pis'mennogo teksta [Revealing the truthfulness/falseness of a statement as one of directions of modeling the personality of the author of written text]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii – In the World of Science and Art: Issues of Philology, Art Science and Culturology*, 2013, no. 24, pp. 119-125. (In Russian).
 9. Tsaryov A.V., Krupenkov V.V., Minenko T.K. Problema doveriya k vlasti v Rossii [Problem of trust to power in Russia]. *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik uchebno-metodicheskogo ob'yedineniya – Economy, Statistics and Computer Science. Bulletin of the Educational and Methodological Association*, 2014, no. 4, pp. 118-121. (In Russian).
 10. Savitskaya T.V. Stanovleniye teorii kognitivnogo dissonansa [Formation of the theory of cognitive dissonance]. *Prioritetnyye nauchnyye napravleniya: ot teorii k praktike – Priority Scientific Directions: from Theory to Practice*, 2015, no. 16, pp. 107-111. (In Russian).
 11. Savitskaya T.V. Rol' very v preodolenii kognitivnogo dissonansa v obydenom soznanii [Faith role in cognitive dissonance negotiation in ordinary consciousness]. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnyye nauki – Bulletin KRASEC. Humanitarian Sciences*, 2013, no. 2 (22), pp. 46-53. (In Russian).
 12. Grechko A.A. (ed.). *Sovetskaya voyennaya entsiklopediya: v 8 t.* [Soviet Military Encyclopedia: in 8 vols.]. Moscow, Military Publ., 1976, vol. 6, 671 p. (In Russian).
 13. Koltunova E.A., Zharkov I.V. O predelakh primeneniya v lingvoekspertnoy praktike ponyatiya rechevoy strategii diskreditatsii [The limits of application of discrediting speech strategy concept in lingvo-expert practice]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 218-227. <http://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-2-218-227> (In Russian).
 14. Galyashina E.I. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* [Forensic Linguistic Expertise]. Moscow, Prospekt Publ., 2021, 424 p. (In Russian).
 15. Issers O.S. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communication Strategies and Tactics of Russian Speech]. Moscow, LKI Publ., 2008, 288 p. (In Russian).
 16. Issers O.S. *Rechevoye vozdeystviye* [Speech Influence]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009, 224 p. (In Russian).
 17. Ruzhentseva N.B. *Diskreditiruyushchiye taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse* [Discrediting Tactics and Techniques in the Russian Political Discourse]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2004, 294 p. (In Russian).
 18. Anisimova T.V., Nikiforova L.Y., Samuylova I.A., Shcherbakova N.V. *Osnovnyye metody psikhologicheskogo analiza politicheskikh tekstov: Praktikum po kursu lektsiy «Psikhologiya politicheskoy kommunikatsii»* [The Main Methods of Psychological Analysis of Political Texts: Workshop on the Course of Lectures “Psychology of Political Communication”]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2007, 124 p. (In Russian).
 19. Ushakova T.N. *Rozhdeniye slova. Problemy psikhologii rechi i psikholingvistiki* [The Birth of a Word. Problems of the Psychology of Speech and Psycholinguistics]. Moscow, Institute of Psychology Russian Academy of Science Publ., 2011, 524 p. (In Russian).

Информация об авторах

Жарков Игорь Вениаминович, кандидат филологических наук, начальник научно-методического отдела, Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-4069-5938](https://orcid.org/0000-0003-4069-5938), linguexpert@protonmail.com

Вклад в статью: идея статьи, анализ словарей и научной литературы, сбор данных о практике правоприменения, написание лингвистической части текста статьи, редактирование.

Константинова Вероника Валерьевна, член научно-методического совета, Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, эксперт сообщества «Гуманитарная экспертиза для справедливого правосудия», практикующий психолог, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-6247-9908](https://orcid.org/0000-0001-6247-9908), konstvero@gmail.com

Вклад в статью: анализ научной литературы, написание психологической части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 17.08.2022
Одобрена после рецензирования 29.08.2022
Принята к публикации 16.09.2022

Information about the authors

Igor V. Zharkov, Candidate of Philology, Head of the Scientific and Methodological Department, Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes, Moscow, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-4069-5938](https://orcid.org/0000-0003-4069-5938), linguexpert@protonmail.com

Contribution: idea drafting, dictionaries and scientific literature analysis, collection of data on law enforcement practice, drafting the linguistic part of the text of the manuscript, editing.

Veronika V. Konstantinova, Member of the Scientific and Methodological Council, Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes, community expert "Humanitarian Expertise for Fair Justice", practicing psychologist, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-6247-9908](https://orcid.org/0000-0001-6247-9908), konstvero@gmail.com

Contribution: scientific literature analysis, description of the psychological part of the text of the article.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 17.08.2022
Approved after reviewing 29.08.2022
Accepted for publication 16.09.2022